

В.В. Николюк

**УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И КРИМИНАЛИСТИКА:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, СБЛИЖЕНИЕ, ОТЧУЖДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ
РЕФОРМИРОВАНИЯ УПК РФ И МОДЕРНИЗАЦИИ НАУЧНЫХ
СТАНДАРТОВ**

Объективный фактор в системе отечественной правовой реальности – развитость наук уголовного процесса и криминалистики. С участием ученых и юристов-практиков, представляющих интересы уголовного судопроизводства и криминалистики, проводятся реформы в сфере уголовной юстиции, оптимизируется уголовно-процессуальное законодательство, должностные лица и органы, ведущие производство по уголовным делам, вооружаются эффективными средствами и методами их расследования и судебного рассмотрения.

Возникнув в границах уголовного процесса и затем отделившись от него, криминалистика не потеряла «кровных уз» с уголовным судопроизводством. Напротив, уголовно-процессуальная деятельность, отдельные процессуальные институты оказались наполнены криминалистическим содержанием в результате успешного взаимодействия данных наук.

Ключевые слова: уголовный процесс, криминалистика, процессуальное принуждение, уголовное преследование.

V.V. Nikolyuk

**CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINALISTICS: INTERACTION,
CONVERGENCE, ALIENATION UNDER THE REFORM OF THE RF
CRIMINAL PROCEDURE CODE AND SCIENTIFIC STANDARDS
MODERNIZATION**

Objective factors in the domestic legal reality are the development of the criminal process and criminology sciences. With the participation of academics and legal practitioners representing the interests of criminal justice and criminology, the reforms in the criminal justice field are carried out, criminal procedure law is optimized, officials and bodies conducting proceedings in criminal cases are armed with effective tools and methods of investigation and trial.

Having arisen in borders of criminal procedure and then having separated from it, the Criminalistics has not lost "vital bonds" with a criminal trial. On the contrary, criminal procedure activities, certain procedural forensic institutions have been filled with Criminalistics content as a result of successful interaction of these sciences.

Key words: criminal procedure, Criminalistics, procedural coercion, criminal prosecution.

С учетом кардинальных изменений в уголовно-процессуальном законодательстве и качественного поступательного развития науки криминалистики имеется необходимость обсуждения ситуации, сложившейся в области взаимодействия уголовного процесса и криминалистики, особенно тех процессуальных институтов, которые оказались наполненными криминалистическим содержанием.

Криминалистика как правовая наука (отрасль знаний, учебная дисциплина), зародившись и пребывая на этапе становления в границах уголовного процесса, находится с ним в тесной связи и выполняет по отношению к нему служебную роль (обеспечение расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел в суде, содействие, в конечном счете, борьбе с преступностью). По указанным «природным» причинам криминалистика естественно реагирует (изменяется, трансформируется) на реформы уголовного судопроизводства. Чем сильнее затрагиваются конструктивные, «несущие» элементы последнего (насыщение процедуры проверки сообщений о преступлениях дополнительными следственными и процессуальными действиями; введение упрощенного порядка расследования и судебного рассмотрения большинства уголовных дел с сохранением состязательности по остальным делам; полноценная апелляция; подмена прокурорского надзора процессуальным контролем и др.), тем острее испытывает на себе влияние предмет криминалистики. Целые группы криминалистических рекомендаций в этих условиях теряют актуальность либо предполагают их пересмотр.

В свою очередь воздействие криминалистики на уголовное судопроизводство с очевидностью проявилось в следующих основных направлениях:

- разработке на базе изучения следственной практики новых следственных действий, модели их правового регулирования с соответствующим регламентированием ее в уголовно-процессуальном законе (предъявление для опознания, следственный эксперимент, получение образцов для сравнительного исследования, проверка показаний на месте);

- расширении в УПК пределов и условий использования научно-технических средств и специальных познаний для целей формирования доказательств в уголовном судопроизводстве (показательным в этом отношении является, к примеру, включение в УПК РФ нормы о назначении и проведении комплексных экспертиз, легализация в нем нового вида доказательств – заключения и показаний специалиста);

- адаптации информационного подхода (криминалистической информатики) к формированию доказательств (включение в понятие «доказательство» термина «иные носители информации» – ч. 2 ст. 84 УПК РФ), создание предпосылок к сближению уголовно-процессуальной и

оперативно-розыскной деятельности [6].

Перед криминалистикой возникли и еще неизбежно возникнут новые задачи в условиях состоявшегося и предстоящего обновления отечественного уголовного процесса (в настоящее время, например, остро стоят задачи криминалистического обеспечения проверки сообщений о преступлениях, участия в ней сведущих лиц, использования при формировании доказательств специальных познаний и научно-технических средств), некоторые из традиционных задач науки криминалистики перестают быть приоритетными (в настоящее время задача закрепления в УПК полноценной системы следственных действий и оптимальной процедуры их производства, решением которой долго занимались многие криминалисты и процессуалисты, практически решена).

В связи с происходящими изменениями в УПК РФ, затрагивающими правила производства следственных действий, от специалистов, занимающихся проблемами криминалистической тактики, надлежит ожидать разработки соответствующих рекомендаций, которые бы сопровождали применение процессуальных новелл. Требуется продолжение и переориентация криминалистических исследований, касающихся как судебного, так и досудебного производств, в условиях расширения состязательных начал уголовного процесса, права на защиту, формулирования Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ новых правовых позиций (например, принятое 30 июня 2015 г. Пленумом Верховного Суда РФ постановление № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» имеет серьезное значение и в криминалистическом аспекте, в частности, в связи с попыткой дать судам рекомендации по реагированию на недобросовестное использование правомочий защитой).

Использование данных криминалистики за рамками уголовного судопроизводства в основном происходит путем отбора из уже разработанных криминалистических средств и методов тех, которые в принципе могут быть интересны для других сфер правоприменения. Постановка вопроса о новых *объектах* криминалистики (имеются в виду гражданский и арбитражный процессы, производство по делам об административных правонарушениях) автоматически размывает исторически сложившиеся представления о самобытности и уникальности криминалистики, значимой именно в сфере борьбы с преступностью.

За пределами уголовного процесса жизнеспособность криминалистики, воспринимаемой в четких ее традиционных границах как самостоятельной правовой науки, символична, в этих случаях сторонники противоположного универсального подхода (криминалистика призвана и способна разрабатывать специальные методы и средства для их использования в разрешении любых правовых споров, конфликтов, а не только преступлений) фактически заявляют о «неокриминалистике», а по факту – о «квазикриминалистике».

Анализ отдельных разработанных криминалистических рекомендаций, входящих в содержание криминалистической тактики, отражающих центральную ее часть – тактику следственных действий, показывает, что они не «вписываются» ни в действующее нормативное регулирование, ни в уголовно-процессуальную доктрину.

Так, например, в главе 40 «Тактика задержания и ареста» учебника «Криминалистика», изданного в 2016 г. и допущенного Министерством образования и науки Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» [5], привлекают внимание следующие положения.

Авторы учебника определяют задержание как неотложное следственное действие, цель которого – захватить, доставить и водворить в изолятор временного содержания (далее – ИВС) лицо, подозреваемое в совершении преступления. Сразу же отметим, что задержание как уголовно-процессуальная категория законом рассматривается в качестве меры процессуального принуждения (п. 11 ст. 5 гл. 12 УПК РФ) и не включается учеными-процессуалистами (за редким исключением) в перечень следственных действий. При такой трактовке задержания оно преследует цель проверить причастность задержанного к преступлению и решить вопрос о его заключении под стражу. При этом срок уголовно-процессуального задержания, который не может превышать 48 часов, исчисляется с момента фактического задержания лица. Захват (поимка) последнего предшествует задержанию и часто происходит не на основании норм УПК РФ, а в соответствии с законом «О полиции». И в теории, и на практике между фактическим и уголовно-процессуальным задержанием проводится достаточно осязаемая грань [3]. Первое нередко имеет место до возбуждения уголовного дела, второе – только одновременно или после возбуждения уголовного дела. Задержание подозреваемого является процессуальным действием с того момента, когда лицо доставлено в орган дознания, к следователю либо когда последние непосредственно процессуально оформляют задержание подозреваемого в другом месте (аэропорту, на вокзале, офисе и др.).

К сожалению, приведенные характеристики меры процессуального принуждения в виде задержания недостаточно учтены авторами названного учебника при изложении тактических приемов задержания. Скорее всего, если быть точным, в указанной главе речь идет не о тактике следственного действия, регулируемого УПК РФ и именуемого авторами задержанием, а о тактике полицейского задержания как специальной операции, предусмотренной ст. 14 закона «О полиции». Изложенные рекомендации уместны для случаев, когда органу дознания поручено исполнение постановления следователя о задержании конкретного лица (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Однако и здесь оперативные сотрудники не производят никаких следственных действий, ограничиваясь захватом и доставлением подозреваемого к следователю.

Участникам группы захвата рекомендуется на месте задержания подвергать лицо личному обыску, но личный обыск как следственное действие проводится в строго ограниченных законом случаях (ст. 184 УПК РФ) и надлежащим субъектом (дознавателем, следователем). Представляется, что личный обыск захватываемого лица может производиться лишь в рамках исполнения постановления следователя о задержании с составлением об этом протокола личного обыска. В остальных случаях осуществляется досмотр такого лица на основании ч. 6 ст. 14 закона «О полиции».

Глава 40 взятого нами в качестве примера учебника названа «Тактика задержания и ареста». О тактике ареста не сказано ни слова, да и есть ли подобная тактика?

Приведенный пример далеко не единственный, что указывает на целесообразность «сближения» усилий криминалистов и процессуалистов в разработке соответствующих криминалистических рекомендаций по тактике производства следственных действий, цель которого – максимально направить такие рекомендации в законное русло.

Ожидают соответствующего криминалистического обеспечения нормы УПК РФ, изменившие в последние годы процедуру производства наиболее распространенных на практике следственных действий.

Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ изменено содержание ст. 191 УПК РФ, регламентирующей допрос несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля. Теперь она охватывает также очную ставку, опознание и проверку показаний на месте. Установлена продолжительность этих следственных действий в зависимости от возраста свидетеля или потерпевшего, введено понятие «перерыв в следственном действии» (время которого, в отличие от максимальной продолжительности следственного действия, не определено в законе), предусмотрено участие в них педагога или психолога (основания их приглашения не разграничены), а в отдельных ситуациях – обязательное участие психолога, присутствие законного представителя.

Таким образом, при проведении указанных следственных действий максимальное количество его участников может достигать пяти (следователь, несовершеннолетний свидетель или потерпевший, адвокат, законный представитель, педагог или психолог). Если проводится очная ставка, то общее число ее участников удваивается, если опознание, то добавляются еще статисты и понятые. В этой связи эффективность таких следственных действий во многом зависит от правильной подготовки и организации их проведения, что находится в зоне ответственности криминалистической тактики.

Уже более 3 лет законом разрешено освидетельствование в стадии возбуждения уголовного дела. Вместе с тем информацию о тактических приемах проведения освидетельствования при проверке сообщения о преступлении на страницах юридической литературы отыскать затруднительно. Их нет или они еще не выработаны? Данная задача должна

решаться процессуалистами или криминалистами либо совместными усилиями? При этом надо принимать во внимание тот факт, что в соответствии со ст. 179 УПК РФ освидетельствование производится в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля. Ни одного из этих участников нет в стадии возбуждения уголовного дела.

Криминалистика в современном варианте охватывает и судебные стадии, судебное следствие, однако присутствие здесь криминалистики в сравнении с досудебным уголовным производством менее ощутимо. Это отчасти может быть объяснено тем, что долгие годы группа авторитетных криминалистов придерживалась точки зрения, согласно которой криминалистическая тактика рассматривалась ими исключительно в рамках расследования преступлений, ей придавался поисковый, оперативный характер, в связи с чем она не предназначена для судебного следствия [2]. Имеется и достаточно научных работ, в которых на базе УПК РСФСР формулировались рекомендации по тактике судебного разбирательства и поддержания в суде государственного обвинения.

В условиях действия УПК РФ, являющегося продуктом проведенной в России судебной реформы, подходы к пониманию тактики судебного следствия изменились с учетом закрепленного в ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса принципа состязательности сторон и отсутствия требования закона устанавливать по делу объективную истину, ограничения активности суда в исследовании доказательств. В частности, акцентируется внимание на том, что понятия «тактика судебного следствия», «тактика судебного разбирательства» как составные элементы криминалистической тактики уже не отражают процессуальных реалий. Более точным может служить термин «судебная тактика», охватывающий рекомендации государственному обвинителю, защитнику, суду применительно ко всем стадиям уголовного процесса.

С учетом состязательного построения уголовного процесса, восприятия суда как эксклюзивного учреждения правосудия, не относящегося к органам борьбы с преступностью, криминалистика в силу действия объективного фактора, коим служит принцип состязательности современного российского уголовного судопроизводства, вынужденно перепрофилируется (можно сказать, возвращается в свое прежнее русло) на ту его часть, которая в УПК определяется как *уголовное преследование*. В контексте УПК РФ потенциал тактических и методических рекомендаций по ведению судебного следствия, направленных на изобличение подсудимого, ограничен. Задачи уголовного судопроизводства, поставленные в ст. 2 УПК РСФСР, имели явно выраженный карательный характер, что, в свою очередь, позволяло рассматривать суд в качестве главного органа борьбы с преступностью. Применительно к стадии судебного разбирательства сейчас корректнее говорить о содействии криминалистики установлению истины по уголовному делу со всеми вытекающими из этого последствиями.

В судебные стадии уголовного процесса вовлекаются несколько профессиональных участников, в связи с чем судебная тактика включает в себя тактику государственного обвинения, защиты, судьи. Указанные участники соответствующим образом представлены и на стадии предварительного расследования. Вместе с тем, несмотря на то, что тактика и методика защиты объективно существуют (сторона защиты собирает и представляет доказательства, уже сравнительно давно в правовой теории фигурирует понятие «адвокатское расследование»), данная область уголовного процесса не интегрирована и может ли быть в принципе воспринята криминалистикой? Пока тактика и методика защиты по уголовным делам есть предмет других наук, в частности, уголовного процесса и адвокатуры. В этой связи усиливается значимость предыдущего тезиса, согласно которому криминалистика изначально призвана обслуживать лишь обвинительный срез уголовного судопроизводства.

Актуальным для содержания судебной тактики является также следующий объективный уголовно-процессуальный фактор: до 70 % уголовных дел рассматривается в особом порядке по правилам главы 40 УПК РФ, без проведения в полном объеме судебного следствия. По таким делам расследование также проводится в усеченном объеме. Поэтому в полной мере криминалистические рекомендации здесь не востребованы, вход их в уголовный процесс частично заблокирован.

В юридической науке, и не столько усилиями собственно ученых-криминалистов, в течение многих лет разрабатывается отдельное направление, условно ограничивающееся изучением проблем участия прокурора в суде, где центральными оказались проблемы тактики и методики поддержания прокурором государственного обвинения [1, 4, 7, 8]. Представители науки прокурорского надзора (с 2011 г. – «прокурорская деятельность») рассматривают подобные исследования за рамками научной специальности 12.00.12. Все больше диссертаций по тематике участия прокурора в суде защищается в рамках научной специальности 12.00.11.

Таким образом, объективно имеются предпосылки к тому, чтобы систему научных положений, образующих тактические и методические основы поддержания прокурором государственного обвинения, рассматривать как продукт усилий специалистов сразу нескольких отраслей уголовной юстиции: уголовного процесса, криминалистики, прокурорской деятельности. Причем представители науки прокурорской деятельности имеют не меньше, если не больше оснований включать в предмет своей науки разработку рекомендаций, касающихся участия прокурора в судебных стадиях уголовного процесса.

Основные выводы:

1. В системе правовых наук криминального цикла взаимосвязи уголовного процесса и криминалистики являются наиболее универсальными и устойчивыми, но далеко не консервативными. Результаты криминалистических исследований серьезным образом повлияли на содержание отдельных фундаментальных уголовно-процессуальных институтов (доказательства и доказывание, следственные действия),

определили их современное правовое состояние. В свою очередь, уголовно-процессуальное законодательство, его новеллы стимулируют развитие и обозначают направление многих криминалистических разработок. Однако указанные процессуально-криминалистические связи не исчерпывают, не ограничивают предмет обеих наук, имеющих самостоятельные области применения своих знаний.

2. Постановка вопроса о том, что в перспективе будет создано *криминалистическое* обеспечение, специфичное для гражданского, арбитражного и административного производств, вступает в противоречие с исторически сформировавшимся объектом и предметом криминалистики, служебная роль, главная задача которой остается в удовлетворении интересов именно уголовного процесса. При решении данной задачи криминалистика, приспосабливаясь к современной конструкции уголовного судопроизводства, объективно стала обслуживать преимущественно обвинительный сегмент уголовного судопроизводства.

3. Перед криминалистикой возникли задачи, обусловленные серьезным обновлением в последние годы отечественного уголовного процесса, среди которых приоритет имеют криминалистическое обеспечение проверки сообщений о преступлениях, участие в ней сведущих лиц, рекомендации по использованию при формировании доказательств специальных познаний и научно-технических средств. Актуальной является научная кооперация криминалистов и процессуалистов в разработке соответствующих криминалистических рекомендаций по тактике производства следственных действий, цель которой – максимально направить такие рекомендации в законное русло.

4. Термин «судебная тактика», охватывающий рекомендации государственному обвинителю, защитнику, судьям применительно ко всем стадиям уголовного процесса, перестает быть сугубо криминалистическим. Тактика поведения стороны защиты никогда не входила в предмет криминалистики несмотря на то, что реально существует: сторона защиты собирает и представляет доказательства, занимается неким адвокатским расследованием. Она входит в предмет других наук, в частности уголовного процесса и адвокатуры.

5. Целый блок криминалистических рекомендаций, входящих в разделы «Криминалистическая тактика» и «Тактика судебного следствия», фактически заблокирован и не востребован в связи с расследованием и рассмотрением большей части уголовных дел в особом, упрощенном порядке.

6. Научные разработки, образующие тактические и методические основы участия прокурора в суде, по формальным и содержательным характеристикам надлежит воспринимать пока как межотраслевые (уголовный процесс, криминалистика, прокурорская деятельность), однако базовой для них все же объективно является отрасль научных знаний «прокурорская деятельность».

7. Разграничение уголовного процесса и криминалистики по разным научным специальностям носит конъюнктурный характер, создает

искусственные преграды для проведения комплексных научных исследований в рамках подготовки диссертаций, обедняет юридическую науку в целом, провоцирует участников научных процедур на различные вынужденные ухищрения, граничащие с нарушением закона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ароцкер Л. Е. Применение государственным обвинителем тактичес-ких приемов и методов криминалистики // Поддержание государственного обвине-ния в суде. М., 1970.
 2. Васильев А. Н., Яблоков Н. П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984. С. 44–45.
 3. Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого. М., 1999. С. 49–61.
 4. Корневский Ю. В. Государственное обвинение в условиях судебной реформы (Процессуальный, тактический и нравственный аспекты). М., 1994.
 5. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. 4-е изд. перераб. и доп. М., 2016. С. 645–648.
 6. О значении криминалистики в оптимизации уголовно-процессуальной формы подробно см.: Голубицкий Б. Г. Роль и задачи криминалистики в реформировании уголовного судопроизводства: ретроспекция и прогнозирование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005.
 7. Руководство для государственного обвинителя: учебное пособие / под ред. О. Н. Коршуновой. СПб., 2015.
 8. Ульянов В.Г. Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве (процессуальные и криминалистические аспекты). М., 2002.
 9. Цоколова О.И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоя-щие в изоляции подозреваемого, обвиняемого. М., 2008. С. 39–56.
-